

Олег КЛИШИН

* * *

Нет, всё-таки не зря ещё до алфавита,
ещё до алых недр, что азбучный арбуз
являл ученику, была... была открыта
калитка в детский сад, двухлетний карапуз
в которую входил, не отпуская руку
до самого: ну всё, беги, ну мне пора!
Продлённым днём пришлось осваивать разлуку,
звенящую тоской, как песня комара.

Но ничего – привык. Под жестью “мухомора”
песочные дворцы усердно возводил,
дороги, города... Неужто всё так скоро
исчезло в никуда, ушло в расход, в распыл?
В распил, как старый клён, в сырых древесных жилах
копивший много лет шумящий ход времён.
Огромный светлый мир никто вернуть не в силах,
когда он словом “был” уже приговорён.

Прозрачный тихий час – синоним расстоянья,
которое во сне пройдя сквозь тишину,
чтоб вновь восстановить немые очертанья,
проснувшись, подходил к вечернему окну.
Ещё до букваря, где будет та же рама,
задолго до того, как стать “совсем большим”,
чуть слышно выдыхал родное слово “мама”.
С него всё началось и завершится с ним.

* * *

Алине

Твой шкафчик с вишенкой на дверце.
Не торопись, я подожду.
Успею заодно согреться
в цветущем круглый год саду.

Не торопись, ведь после каши
ещё малиновый кисель.
Доешь, допей, потом покажешь
рисунок новый – акварель,

летучих витебчан Шагала
напоминающую. Тень
кошачья тихо пробежала.
На крышах трубы набекрень.

Так после кораблекрушенья,
доверясь дружеской волне,
весь растворишься в поле зренья,
спасёшься в сказочной стране,

где каждый день был самым долгим,
таящим множество чудес.
Царевич там на сером волке
с царевной мчался через лес.

И беззаботные качели,
и неба голубой обрыв.
И вишенку там не успели
на белый заменить налив.

* * *

А помнишь, как сбежали от друзей,
почти без слов друг друга понимая?
И ничего. – О! простота святая! –
придумать лучше не смогли: в музей
пришли. У золочёных рам скучая,

стояли. И подходит ли весло
к фигуре мраморной? – шутили. Или
ты помнишь стражниц, мхом музейной пыли
поросших? Чудо нас тогда спасло.
Как две ладьи, стремительно скользили

на чистый воздух, в жизнь, что как щедра...
Весенним днём под небом ярко-синим
струился шёлк раскроя Пазолини,
обозначая линию бедра
живой, идущей рядышком богини.

НА ЛЮБИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Средь «шпилек» и «платформ»,
то резво, то устало
снующих, малых форм
скульптура, пьедестала

лишённая, торчит,
видна наполовину
из тротуарных плит.
Не застудил бы спину,

Степаныч, слышишь, друг,
поднялся бы повыше.
Как стоптанный каблук,
пахучей пылью дышишь.

Уже который год
и в зной, и в дождь, и в стужу
шероховатый ход
толпы тревожит душу.

Так что ж ты! Встань, иди!
Хрип вытряхни и кашель
из бронзовой груди,
к задумчивой Любаше

на лавочку присядь.
Осенняя картина:
серебряная прядь
с летучей паутиной,

прощального луча
дождавшись, как подарка,
по линии плеча
соприкоснулись жарко.

ГОРОДСКАЯ ПРОГУЛКА

Не французы и не англичане,
а туда же: Мерлен-Леруа,
Мега, Метро... Сукно с калачами,
фантик яркий, месье папуа.

Из Икеи в Окей через Оби.
Только выйдешь - упрёшься в бутик.
Что за слово на фирменной робе?
МЕРЧЕНДАЙЗЕР... Типун на язык.

Удивлённое «вау», как «здрасте».
Невозможно и шагу шагнуть,
чтоб не влипнуть в какой-нибудь «кластер»,
в Монте-Карло какое-нибудь.

В KFC угодишь краем глаза,
изменившись от боли в лице.
Атакуют микроб новояза
речь родную, как муха цеце.

Геомарт, чёрт возьми, Касторама! -
скажешь вслух - пропадёшь ни за грош.
За айпад, за айфон, за рекламу
тарабарскую вынь да положь.

Где ж ты, яблонька русская наша!?
Железяка в ноздрях и в губе...
Как зачем? Это пирсинг, папаша.
Непонятно? Да где уж тебе!

* * *

Неспроста эта паперть у перехода...
Этот нищий, облепленный голубями,
дарит шанс нам во всякое время года
милосердие проявить рублями,
чтоб затем, как сказано, хлеб насущный,
разделён был поровну с сизарями.

Поднимаясь по лестнице, вниз ведущей,
на мгновенье ангельскими крылами
осенённый, спросишь: не для того ли

мы здесь вместе воздухом общим дышим,
чтоб на миг от чужой задохнуться боли,
и... забыть, оказавшись ступенькой выше?

* * *

Поцелуй на морозе сладок,
как рябина на коньяке.
Горький привкус пьянящих ягод
в каждом следующем глотке
ощутимей. Хмельной напиток
запасти невозможно впрок.

Неба зимнего звёздный свиток
до последних развёрнут строк,
что вдвоём на одном дыханье,
не спеша, прочтём по слогам
вечной азбуки мирозданья,
что на время досталась нам.

* * *

Вдруг вспомнишь, что год високосный,
что жизнь нам даётся одна.
Кометой в светящихся космах
в открытый заброшена космос
каким-то макарон она.

Какой-то пылинкой, частицей,
сгорающей в плотных слоях
земной атмосферы, жар-птицей,
которая любит гнздиться,
как правило, в тёплых краях.

А может быть, вроде окурка,
который мелькнул и погас,
ударившись о штукатурку.
Конёк-горбунок, Сивка Бурка -
проворный российский Пегас

рванёт, что есть силы и страсти,
во тьме окрыляя строку...
Вот-вот разорвётся на части
душа. И за что это счастье
досталось тебе — дураку!?

К СТИХАМ МОИМ

И стихи писать всегда дело безрассудно...

Кантемир

Стихи отправляются в люди,
а людям плевать на стихи.
За то, что их путь безрассуден,
расплатятся сами... стихи.

Но всё-таки прежде, чем в ящик
дубовый сыграть навсегда,
под ливнем, под солнцем палящим,
под небом, в котором звезда

трепещет мерцанием влажным,
вы живы, пока люди спят,
надеждой попасть, хоть однажды,
под чей-то разбуженный взгляд.

Добраться до ручки, до точки,
до истин дожить прописных.
Хотя бы единственной строчкой
на время остаться в живых.

Стихи, словно волны морские,
накатят – зови, не зови.
Стихи ведь от слова стихия –
от сердца, от слёз, от любви...

Растут, как плоды сотворенья,
вбирая и радость, и грусть,
как лучшие в жизни мгновенья,
заученные наизусть.

В свой срок распрощаюсь со всеми,
прошедшее благодаря
за ваше легчайшее бремя,
за то, что вы были не зря,
